

Вчера он с людьми отправился в восточную часть города, в деревню Яншугоу, чтобы найти «Ван Гоуэра», но обнаружил только две пустые полуразрушенные хижины. В это время начался сильный дождь, и они застряли в деревне. Большая собака, жившая за домом Ванов, непрерывно лаяла, и Сяо Сюнь, почувствовав неладное, позволил собаке тянуть их за одежду, и она привела их к горе Шоухуа за деревней. Трое мужчин провозились до глубокой ночи и в конце концов нашли в горах тела семьи Ван Гоуэра.

Когда они вернули тела в деревню и сообщили местным властям, временно уладив ситуацию, Сяо Сюнь сразу же поспешил обратно в город, чтобы доложить Фу Шэню. Однако он даже не успел войти в резиденцию маркиза, как его ошеломила череда новостей: император даровал брак, Фу Шэнь долго стоял на коленях у ворот дворца, а Янь Сяохань забрал его в свою резиденцию.

Сегодня, перед тем как отправиться на утренний приём, Янь Сяохань, опасаясь, что кто-то может потревожить Фу Шэня, специально приказал не принимать гостей. Сяо Сюнь несколько раз получал отказ у ворот резиденции Янь и, наконец, после множества трудностей встретился с Фу Шэнем. В этот момент он был на грани физического и эмоционального истощения и едва не бросился к Фу Шэню, чтобы выплакаться.

— Генерал! — Сяо Сюнь резко встал со стула.

Фу Шэнь слегка кивнул, сохраняя спокойствие и невозмутимость, будто дарование брака не оказало на него никакого влияния, и даже, казалось, он был в некотором роде... доволен?

Сяо Сюнь смотрел, как Янь Сяохань подвозит инвалидное кресло к противоположной стороне, наклоняется к Фу Шэню и шепчет ему что-то на ухо, их поза была настолько близкой, что казалось, будто они ласкают друг друга.

— ...В главном зале просторно, но даже с углём здесь не так тепло, как в комнате... надевай, не упрямясь...

Сяо Сюнь закрыл глаза и сильно ущипнул себя за бедро.

Чёрт, больно.

Янь Сяохань сам удалился, оставив их вдвоём, но перед этим налил Фу Шэню чашку чая, чтобы согреть руки, и, проходя мимо бледного генерала Сяо, бросил на него насмешливый взгляд.

Осенняя река сверкала, ночь была ясной, и Янь Сяохань стоял под деревом османтуса во дворе, держа в пальцах несколько мелких цветков, наполовину закрыв глаза и размышляя.

Император Юаньтай хотел через него перевести власть над армией Бэйянь от Фу Шэня, но это было не так просто, как просто устранить Фу Шэня. Железная кавалерия Бэйянь передавалась

в семье Фу из поколения в поколение, и если бы Фу Шэнь внезапно скончался, власть снова вернулась бы в резиденцию герцога Ина. Нынешний герцог Ин Фу Тинъи не был силен в военном деле, а будущий наследник Фу Я был никчёмным бездельником, так что для императора Юаньтая любой исход был бы выгоден.

Если подумать, время покушения в теснине Цинша было слишком удачным.

Однако Фу Шэнь оказался крепким орешком, и император Юаньтай был вынужден отступить. Маркиз Цзиннин ни в коем случае не должен был иметь потомства, ведь кто знает, может ли его сын стать таким же выдающимся, как его отец? Единственная возможность была в том, чтобы вмешаться в брак Фу Шэня. Если Янь Сяохань женится на Фу Шэне, он станет почти членом семьи Фу.

Это был мирный способ перехода власти, и всё зависело от того, сможет ли Янь Сяохань убедить Фу Шэня считать его «своим».

За последние пару дней он наблюдал за поведением Фу Шэня, и тот, казалось, намеревался разрушить его союз с императором Юаньтаем, но не проявлял явных попыток сблизиться. Фу Шэнь, похоже, имел свои планы, но в его нынешнем состоянии, лишённом возможности действовать, он не мог устроить переворот.

К тому же на его руках и ногах были кандалы под названием «моральный долг».

Сегодня Министерство церемоний уже начало рассчитывать дату свадьбы, следующий шаг — проверить даты рождения и подготовить шесть ритуалов. Возможно, время для взаимных уловок подошло к концу, и ему нужно было поговорить с Фу Шэнем откровенно.

В игре между императором Юаньтаем и Фу Шэнем он не мог быть просто пешкой, которую передвигают туда-сюда.

Даже у пешки есть достоинство.

Он стоял в ночи, окутанный осенним холодом, словно отделённый от мира невидимой преградой, его силуэт казался невыразимо одиноким.

Спустя некоторое время дверь главного зала открылась. Сяо Сюнь, увидев его стоящим во дворе, явно удивился, и на его лице сразу же появилось подозрение. Фу Шэнь был дальше, но его зрение было острым, и он сразу заметил Янь Сяохана. Их взгляды встретились в воздухе, словно две рыбы, скользнувшие мимо друга.

Янь Сяохань слегка отряхнул рукав, на котором не было пыли, и спокойно прошёл мимо Сяо Сюня в комнату, естественно спросив:

— Закончили? Проводить гостя?

Шаги принесли с собой холод, и Фу Шэню стало немного не по себе:

— Сколько ты простоял на улице?

Янь Сяохань, видимо, неправильно понял его, мягко улыбнувшись:

— При двух таких мастерах армии Бэйянь, как вы, Янь не осмелился бы вмешиваться.

— По-моему, ты замёрз до одури, — усмехнулся Фу Шэнь, пододвигая ему горячий чай.

Янь Сяохань взял чашку Фу Шэня и улыбнулся:

— Спасибо за заботу, ваша светлость.

Фу Шэнь нахмурился:

— ...Это моя чашка.

— Просто чтобы согреть руки, я не буду пить, — с искренней невинностью на лице ответил Янь Сяохань. — А вы что подумали?

Фу Шэнь промолчал.

Сяо Сюнь смотрел на их словесную перепалку со сложным чувством. Если бы не его многолетнее знакомство с Фу Шэнем и знание, что тот не имеет таких наклонностей, он бы подумал, что они действительно влюблены.

— Генерал, — он подошёл к Фу Шэню, — раз уж дело временно улажено, прошу вас вернуться в резиденцию на отдых. Карета ждёт у ворот.

— Нет.

Два взгляда одновременно устремились на сказавшего это, а Фу Шэнь ещё и поднял бровь.

Янь Сяохань сказал:

— Ваша светлость простужена, раны на ногах ещё не зажили, а в вашей резиденции недостаточно медикаментов, что может только ухудшить состояние. Лучше останьтесь здесь, пока Шэнь Ицэ не приведёт вас в порядок, а потом уже решим, что делать дальше.

— Что делать дальше? — с улыбкой, в которой не было ни капли тепла, спросил Фу Шэнь. — Идти под венец с тобой?

— А у вас есть другой выход?

Улыбка окончательно исчезла с лица Фу Шэня:

— Ты хочешь меня заточить?

Янь Сяохань покачал головой, сказал «позвольте мне объяснить» и отвел Фу Шэня немного в сторону, наклонившись к его уху и прошептав несколько слов.

Фу Шэнь долго молчал, пристально глядя на него, а затем внезапно обернулся к Сяо Сюню:

— Ты всё видел?

Сяо Сюнь с недоумением кивнул.

Фу Шэнь сказал:

— Тогда пусть будет так.

— Ч... что? — растерялся Сяо Сюнь. — Генерал...

Фу Шэнь, уже теряя терпение, сказал:

— Ты же видел, императорский инспектор Янь воспылил страстью к моей красоте, похитил меня и держит в своей резиденции, не позволяя выходить. Так что, если кто-то будет спрашивать, скажи, что я остаюсь в резиденции Янь на лечение.

Сяо Сюнь промолчал.

Он с опаской взглянул на Янь Сяохана.

Господин Янь, свалившийся с неба под тяжестью огромного чёрного обвинения, едва стоял на ногах, но всё же сумел выдавить из себя улыбку, сквозь зубы сказав:

— Пусть будет так, как сказал его светлость.

Сяо Сюнь вдруг понял, почему у Янь Сяохана была такая плохая репутация при дворе — говорили, что каждый раз, когда он ссорился с Фу Шэнем, независимо от того, кто побеждал, на следующий день весь город говорил: «Собака двора снова гнобит верного слугу».

После того как Сяо Сюнь ушёл, они вернулись в спальню, и Фу Шэнь сказал:

— Что ты имел в виду, объясни.

— Не понял, а отпустил Сяо Сюня, — Янь Сяохань улыбнулся. — Не боишься, что я действительно тебя заточу?

Фу Шэнь так и хотел дать ему пинка:

— Хватит нести чушь.

Янь Сяохань сказал:

— Оставайся здесь некоторое время, и я добьюсь для тебя возможности вернуться в Яньчжоу. Я уже всё объяснил.

— Я не об этом спрашиваю, Янь Сяохань, — Фу Шэнь произнёс каждое слово с ударением. — Я спрашиваю, на чьей ты стороне?

Ты — самый любимый чиновник императора, его ближайший доверенный, в шаге от вершины власти. Почему ты помогаешь тому, кто по своей природе твой враг?

Янь Сяохань всё ещё улыбался, но мягкая насмешка в его глазах исчезла, словно он мгновенно надел непробиваемую броню, и равнодушно сказал:

— Если в мире есть «непреклонные слуги», то, конечно, есть и «дважды слуги».

Фу Шэнь возразил:

— Не нужно себя недооценивать...

— Моя светлость, не будьте наивны, — Янь Сяохань рассмеялся. — Вы давно знаете, кто я такой, зачем мне что-то скрывать? Хотя мы оба служим при дворе, вы — для управления страной, а я — просто для службы. Не ради славы, а ради выгоды. Не ради мира, а ради себя.

— Следовать за выгодой, выбирать лучшее дерево для гнезда — вот путь чиновника.

— Поэтому, — сказал он, — я не на вашей стороне. Я на стороне, которая выгодна мне.

<http://bllate.org/book/15271/1347944>